

Вечерняя Москва Владимира Войновича

Мир знал писателя Владимира Войновича. Его книги постоянно переиздаются солидными тиражами. Теперь мир знает художника Владимира Войновича. Правда, не весь пока мир, а та его часть, которая населяет наш город.

Сколь стремительной и удачной оказалась его писательская судьба, столь легко и неожиданно завоевали зрительские симпатии деятели его картин, которые демонстрирует галерея «Асти» в самом центре столицы, недалеко от Красной площади. Первым покупателем произведений Войновича оказался Мстислав Ростропович, который приобрел две грустно-ироничные картины художника.

— Владимир Николаевич, успокойте своих почитателей: ваше новое увлечение — в м е с т о литературы или п л ю с к ней?

— Нет, писательство я не бросил, но очень притомился. Литература для меня — тяжелый труд. Живопись — истинное удовольствие. Рисовать я начал как-то неожиданно для самого себя, года два тому назад.

— Когда читаешь ваши произведения, создается иллюзия, что все написано как бы на одном дыхании...

— Это не так. Пишу я долго и иногда мучительно. А рисую быстро, даже стремительно.

— Здесь представлено 90 работ: графика и живопись. Это все сделано за два года?

— Сделано значительно больше. На выставке далеко не все.

— Вы, наверное, много общаетесь с художниками. Кто же так повлиял на вас?

— Среди моих друзей очень немного художников. Вот только с Борисом Биргером давно дружу. Но вряд ли то, что со мной произошло, результат какого-то влияния. Это внутреннее желание.

— Значит, учителей своих не назовете?

— Мне нравятся многие художники. И я имею в виду всех, но никому не подражаю. И в литературе у меня не было живых учителей. И это к огромному сожалению. Даже в нормальной школе из-за войны мне пришлось учиться всего год. Все мое детство прошло под знаком ареста отца. Он поддержал сомнение сослуживца по газете «Коммунист Таджикистана» в том, что коммунизм нельзя построить в отдаленной стране. И получил пять лет. И это еще повезло. Тогда сняли Ежова и сокращали сроки. А так моего отца за такое серьезное преступление чуть было не приговорили к смертной казни.

— Вот портреты ваших родителей. В обоих чувствуется волевая натура, которую вы, очевидно, старались передать. Наверное, вы от них переняли независимость характера?

— Да, это так. Когда моего отца уволили, он поехал в Москву искать правды. Там его и арестовали. Через пять лет вернулся. Его реабилитировали и предложили даже восстановиться в партии. Он резко отказался и, чтобы вновь не попасть под арест, уехал вместе со мной к родственникам на Украину. Тут же попал на фронт. Когда он сидел, моя мать училась в пединституте и работала. Она закончила с отличием физико-математический факультет и стала учительницей. Потом была эвакуация: Северный Кавказ, Ставрополье. В Куйбышеве семья вновь соединилась. Нас разыскал раненый отец. Мы переехали в Волгоградскую область.

— С тех пор вы и путешествуете, судя по вашим пейзажам: Париж, Калифорния, Германия?

— Мечтаю жить в одном месте, а судьба складывается так, что вынужден всегда перемещаться.

— В какой стране вам приятнее бывать?

— Сначала мне было хорошо в Америке. Я вообще там чувствую себя лучше. Потом и к Европе привык. Приятнее сейчас бывать в России. У меня на первом месте Москва, на втором — Мюнхен. В Москве я больше бываю.

— Вы считаете Москву родным городом?

— Считал. Когда я приехал в Москву, это было в 1956 году, мне было 24 года. 25 лет я прожил в Москве. И считал ее родным городом.

— Почему же в прошедшем времени?

— Потому что многое изменилось. Во-первых, Москва изменилась. Во-вторых, я изменился. Еще до моего отъезда получилось так: я приехал в Москву и всю ее исходил пешком. И очень полюбил, знал хорошо. В ней была какая-то милота ушедшая, потому что это была Москва в границах дореволюционных. Она была еще деревянная, убогая, грязная. Например, в магазины продукты подвозили еще на лошадях. В 50-х годах, как ни странно. И вот с моими друзьями — Камиллом Икрамовым, Олегом Чухонцевым ходили, ходили без конца туда-сюда. А потом я стал сам такие длинные прогулки совершать. Знал проходные дворы. Мне не нравилось ходить одним и тем же путем. Я мог всю Москву пройти проходными дворами.

— Чем вы тогда занимались?

— Я был студентом. После армии поступил на исторический факультет Московского областного педагогического института имени Крупской. Проучился там всего полтора года. Потом стало в тягость, потому что очень много писал. А когда моя первая вещь была опубликована в «Новом мире», то бросил институт. Но остались мои друзья по институту — Камилл Икрамов, Олег Чухонцев, Юрий Энтин, Георгий Полонский.

— Как потом разворачивались события?

— А потом началась для меня эпоха диссидентства. За мной ходили какие-то люди. И мои прогулки были небезопасны. В этих дворах могло случиться все что угодно. И я стал избегать московских дворов. И когда я выходил, со мной бывали всякие случаи, на меня и нападали, приходилось отбиваться. И постепенно Москва стала казаться враждебным городом. Когда я уезжал в 1980-м году, это был совершенно мне чуждый город.

— А сейчас? Вы проводите здесь большую часть времени.

— Это так. Но, как вам сказать, это такое смелое сравнение: всеравно что вернуться к жене, с которой давно разошелся. То чувство неприязненное прошло, а другого не возникло. И потом это сейчас такой большой город, что я не знаю, как его можно любить. Любить можно какие-то сокровенные уголки, особенные места.

— Признаться, я ожидала встретить на выставке иллюстрации автора к своим произведениям. А увидела самостоятельную живопись.

— Я и не собирался иллюстрировать свои вещи. Хотя что-то общее должно быть. Вот даже некоторые персонажи. Например, картина «Левая рука». А в «Чонкине» есть такой персонаж — «Правая нога». Это я написал не как иллюстрацию, а потому что это жизненный типаж.

— Если бы вы выбирали сейчас иллюстратора к своим произведениям, на ком бы остановились? Или сами взялись бы?

— Выбрал бы Геннадия Новожилова, который иллюстрировал «Чонкина» в «Юности». У него отличное чувство юмора и мастерство. Я вот постеснялся его пригласить на выставку.

— В вашем творчестве чувствуется что-то общее. Что же сближает вашу живопись и вашу литературу? Наверное, гротеск, гипербола?

— Думаю, что так и должно быть. Например, портрет Льва Толстого именно такой.

— А вот другие портреты, для нас узнаваемые: Булата Окуджавы, Елены Камбуровой, Татьяны Бек мне представляются очень грустными. А пейзажи — очень лиричные.

— Не знаю, какое впечатление это производит, но все работы я писал с большой радостью: и портреты, и пейзажи. И мне бы так хотелось, чтобы эта радость передавалась зрителям...